

Г. И. ДАНИЛИНА

(Тюменский государственный университет)

ИСТОРИЯ НАУКИ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА В КОНЦЕПЦИИ А. В. МИХАЙЛОВА

В истории науки собирается не только коллективная мудрость поколений, но собирается и залеживается и коллективная глупость. Есть одно оружие против нее — это рассуждение, осмысление, рефлексия¹.

А. В. Михайлов

На Западе история науки как специальная область науковедения сложилась давно. Сегодня это «методологически фундированная дисциплина, необходимый компонент любого научного знания, оказывающий исключительно плодотворное влияние на развитие актуальных исследований во всех, но особенно в гуманитарных областях»². В России подобной дисциплины пока нет, но с 1980-х гг. саму проблему предметно обдумывал А. В. Михайлов. «Наука о литературе, — отмечал он, — обязана заниматься своей историей, и обязана делать это в масштабах, совершенно несопоставимых с тем, как это делалось и делается до сих пор»³. Учитывая опыт предшественников, он разрабатывал собственный подход. Взгляды Михайлова не изложены системно, однако в ряде его суждений угадывается единство замысла на основе исходной мысли: в истории науки Михайлов видел «творческий центр»⁴ всех филологических дисциплин. В чем же состоит этот замысел?

Долгое время в истории науки видели вспомогательную, архивную дисциплину, направленную на простую кумуляцию идей. При этом неизбежно оказывалось, что все, что было в прошлом, заведомо устаревает перед лицом нового и потому имеет лишь архивное зна-

¹ Михайлов А. В. Вильгельм Дильтей и его школа // А. В. Михайлов. Избранное: Историческая поэтика и герменевтика. СПб., 2006. С. 294.

² Кемпер Д. Для чего нам нужна научная история германистики? // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. М., 2004. Т. 1. С. 31.

³ Михайлов А. В. Актуальные проблемы современной теории литературы // Контекст—1993. М., 1996. С. 12.

⁴ Михайлов А. В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры: Очерки из истории филологической науки. М., 1989. С. 3.

чение. Прорыв был сделан, как известно, Томасом Куном: в работе «Структура научных революций» (1962) он обосновал на материале точных и естественных наук понятие научной парадигмы как ведущей идеи, наиболее авторитетной в определенный период жизни науки, и понятие смены парадигм. Отсюда оформилась новая задача дисциплины: раскрывать сами принципы развития науки в процессе их «революционного» изменения⁵. В дальнейшем подход Куна был экстраполирован и на гуманитарные области: социальную историю и историю культуры⁶, историю филологической науки⁷, художественную литературу⁸.

Так стало возможным отчетливо представить прошлое науки в его движении к настоящему, то есть уже не «суммарно», а исторично раскрывать становление научной мысли. «Кумулятивный» подход принципиально неприемлем и для Михайлова. В «занятиях историей науки, — отмечает он, — до сих пор видят, по инерции, лишь архивный, антикварный, сугубо академический, отвлеченный, никого, в сущности, не затрагивающий, граничащий с чудачеством и личной прихотью исследователя смысл». Но «история науки о литературе — это не история ее преодоленного и превзойденного прошлого, а история ее сущности и ключ к ее сущности»⁹.

При этом и для Михайлова цель истории науки — ее «самоосмысление». Однако он полагает, что здесь нужен взгляд не только в прошлое, но и в будущее, ведущий к творческому обоснованию перспектив филологического знания; и его замысел истории науки как теоретической дисциплины направлен к решению именно этой задачи.

В основе всей концепции лежит исходное представление Михайлова об «истории», задающей единство всех областей науки о литературе (теории и истории литературы, истории культуры, исторической поэтики): «Такой центр, общий для всех (...), — это история; это и центр, исток, и та стихия, в которую погружены все эти темы: от нее и в ней они приобретают свою осмысленность»¹⁰. Поэтому «наука

⁵ См.: *Kuhn T.S. The Structure of scientific revolutions*. Chicago, 1962. Первое русское изд.: *Кун Т. Структура научных революций*. М., 1975. Первое немецкое изд.: *Kuhn T.S. Die Struktur wissenschaftlicher Revolutionen*. Frankfurt am Main, 1973. Об основных исследовательских стратегиях в философии и теории науки см.: *Krohn W. Wissenschaftstheorie* // *Enzyklopädie Philosophie* / Hrsg. von H. J. Sandkühler u.a. [CD-ROM-Edition:] Hamburg, 2003. 2. Bd. S. 1773—1778.

⁶ См.: *Ионин Л. Г. Парадигма* // *Культурология. Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. Я. Левит. М., 2007. Т. 2. С. 157—158.*

⁷ См. анализ становления истории немецкой германистики в работе: *Кемпер Д. Для чего нам нужна научная история германистики?* С. 30—58.

⁸ *Тюпа В. И. Парадигмы художественности* // Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. *Теория литературы: В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 92—104.*

⁹ *Михайлов А. В. Актуальные проблемы современной теории литературы*. С. 14.

¹⁰ *Михайлов А. В. Вильгельм Дильтей и его школа*. С. 228.

о литературе должна заниматься не только своей историей как историей узко понятой науки или одной из наук о культуре, но должна заниматься историей максимально широко понятого знания о литературе»¹¹. История, увиденная как жизненный «исток и центр» всего филологического знания, означает, что «наука о литературе есть мышление истории»¹². Вот это авторское понятие Михайлова — главное для его концепции в целом, и все ее содержание задается им.

«История науки по-своему претендует на истину и имеет на это право, — подчеркивает Михайлов. — Истина, с какой имеет дело наука о литературе, — это существенность ныне уже утраченных осмыслений истории». Поэтому, отмечает он далее, «занимаясь историей науки, мы не просто “поднимаем” какие-либо неизвестные нам прежде материалы и публикуем их, не только анализируем основные произведения теоретико-литературной и историко-литературной мысли, не просто исследуем творчество выдающихся представителей науки и изучаем их жизненный путь, — все это необходимо, но еще не достаточно. Занимаясь всем этим, мы изучаем историю <...> литературного сознания. Если судить по тому, как складывается само “литературное сознание”, история науки о литературе имеет дело <...> с истиной истории»¹³.

Таким образом, предмет истории науки — история литературного сознания. Для российских исследователей первая задача этой дисциплины определяется необходимостью сформировать саму предметную область, восстанавливая материал в его полноте. По слову Михайлова, прежде всего «надлежит собрать все несобранное»: «Семьдесят лет советской власти в России оставили после себя руины: развеянные по всем ветрам люди, имена, тексты, рукописи, документы. Все это еще нужно собрать»¹⁴.

Но как анализировать этот материал? В чем состоит не «архивный», а творческий подход к его изучению? С точки зрения Михайлова, основой для исследования истории филологической науки в России должен стать «опыт истории», причем не универсально-всеобщий, а национальный исторический опыт — в его особом экзистенциально-жизненном измерении, так как им предопределяется и литературное, и научное сознание. «Man hat die von westlichen Forschern kaum geahnte existentielle Erfahrung gemacht, daß geisteswissenschaftliche Arbeit Hand in Hand mit der Gefahr geht und lebensge-

¹¹ Михайлов А. В. Актуальные проблемы современной теории литературы. С. 13.

¹² Михайлов А. В. Несколько тезисов о теории литературы // Литературоведение как проблема. М., 2001. С. 230.

¹³ Михайлов А. В. Актуальные проблемы современной теории литературы. С. 13.

¹⁴ Michailow A. Zum heutigen Stand der Germanistik in Rußland. Ein vorläufiger Bericht // Germanistik in Mittel- und Osteuropa 1945—1992 / Hrsg. von Ch. König. Berlin; New York, 1995. S. 191.

*fährlich*¹⁵ werden kann»¹⁶, — отмечает Михайлов в докладе на международном конгрессе германистов (1992). И в работе «О. Павел Флоренский как философ границы» (1994) сказано: «Русская культура в наш век имела множество поводов убеждаться в том, что занятия поэзией или наукой опасны для жизни и даже вообще думать опасно. Несмотря на во многом общую судьбу, западная культура не могла обрести такого массового опыта, и в ней академические, университетские стены почти всегда были надежной гарантией хотя бы против смертного приговора. Заниматься же наукой или быть погруженным в сферу мысли *здесь* значило одновременно и жить рядом со смертью, и быть погруженным в нее»¹⁷.

Поскольку русский опыт истории в XX в. столь разительно иной, чем на Западе, российским исследователям в логике Михайлова нужно ориентироваться именно на национальную традицию науки. Эту мысль Михайлов развивает в ситуации методологического кризиса конца 1980 — начала 1990-х гг., когда в России усиливалось недоверие к «советскому» прошлому науки. Одновременно резко возрастал интерес к западным филологическим теориям, ставшим наконец широко доступными. Михайлов же настоятельно подчеркивает: чужой, «заемный» опыт нельзя пережить, а значит, нельзя и усвоить¹⁸. Только в опоре на собственный, национальный научный опыт, подчеркивает он в работе «Вильгельм Дильтей и его школа» (1991), могут найти творческое решение самые актуальные и кризисные проблемы современной науки.

Отсюда релевантный объект исследования для истории науки образуют национальные научные школы. Конечно, и в России эта тема давно актуализирована¹⁹, но Михайлов продумывает новый путь изучения опыта национальных школ. Он диктуется творческой целью дисциплины: выявить продуктивные моменты, доказавшие свою жизнеспособность, а тем самым и репрезентативность, а с другой стороны, обозначить все инерционное, то, что сегодня задерживает науку и мешает ее развитию. И здесь на первый план выходит понятие «оснований науки»: история науки получает уточняющее наименование: «дисциплина оснований науки».

Если характеризовать понятие «оснований» содержательно, то становится достаточно очевидным, что оно близко понятию научной парадигмы, однако есть и существенные отличия. Согласно общепринятой точке зрения, парадигматический смысл получают эксплицированные, высказанные идеи, признанные в широком научном сооб-

¹⁵ Курсивные выделения в цитатах принадлежат А. В. Михайлову.

¹⁶ *Michailow A.* Zum heutigen Stand der Germanistik in Rußland. S. 191.

¹⁷ Михайлов А. В. О. Павел Флоренский как философ границы // А. В. Михайлов. Обратный перевод. М., 2000. С. 445.

¹⁸ Михайлов А. В. Вильгельм Дильтей и его школа. С. 276—277.

¹⁹ См., например, известную книгу: Академические школы в русском литературоведении. М., 1975.

ществе, и к «основаниям» в концепции Михайлова таковые тоже относятся. Но в его понимании «основания науки» включают в себя прежде всего скрытые, эксплицитно не проявленные установки науки — «аксиомы», некогда принятые на веру и со временем ставшие чем-то «само собою разумеющимся», а значит, и не подверженным рефлексии. Найти же нужно как раз имплицитный слой научного сознания, чтобы проявился и позитивный, и негативный опыт нашей науки.

Теперь рассмотрим, каким образом осуществляется Михайловым выявление и анализ «аксиоматики». Так, одна из ведущих «аксиом» литературоведения в России — направленность на поиск исторически достоверного, «заложенного автором» смысла произведения прошлого. Раскрыть именно то, что замыслил «автор», — традиционная установка науки, ведущая от А. Н. Веселовского к М. М. Бахтину, В. М. Жирмунскому, Д. С. Лихачеву, С. С. Аверинцеву, М. А. Гаспарову — эти имена называет Михайлов, но можно продолжить — к Н. К. Гею, С. Г. Бочарову и другим замечательным исследователям. И сегодня, по убеждению Михайлова, важно искать «первозданность смысла»²⁰, поскольку наука о литературе «направлена на изучение текстов и произведений “в них самих”»²¹. Опыт школы исторической поэтики, слагаемый работами М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, С. С. Аверинцева, М. А. Гаспарова и других исследователей, показывает, что для русской филологии это по-настоящему продуктивная задача, следовательно, она и в будущем может выступать основанием («фундаментом», по слову Михайлова) науки о литературе в России.

Данная «аксиома» — направленность к «заложенному автором» смыслу произведения — давно вербализована и «самоочевидна»; давно сформулирован и «историзм» как методологический принцип, многократно декларированный в качестве главного средства для *исторически точного* анализа произведения. Начиная с 1960-х гг., принцип этот беспрерывно уточнялся и изменялся, сохраняя тем не менее свою суть — методологического инструмента, позволяющего понять «автора». Конечно, столь долгая жизнь «историзма» во многом объяснялась требованиями официальной советской идеологии, пренебречь которыми было практически невозможно — «опасно для жизни». Но и не только этим; вера в возможность беспрепятственно расслышать голос автора обуславливалась «мышлением истории»: под мощным воздействием гегелевской мысли в России укоренилось представление об истории как процессе развития, идущем от «низших» стадий к «высшим». Закономерно — и это уже «скрытое» основание науки — современный исследователь, находящийся как раз на «высшей» стадии исторического развития, легко может «объективно» понять смысл любого произведения прошлого.

При этом сегодня «мышление истории» стало совсем иным, и об истории как развитии речь давно не идет. «История ускользает от

²⁰ Михайлов А. В. Вильгельм Дильтей и его школа. С. 312.

²¹ Там же. С. 230.

нас, — подчеркивал Михайлов, — и мир, в котором мы сейчас живем, может оказаться совсем незнакомым для нас»²². Современный образ истории в оценках Михайлова связан с кардинальным изменением в представлениях об историческом времени, которое начинает мыслиться отнюдь не в виде процесса развития, а, напротив, как подошедшее к своему пределу, как «край», перерождающийся в некое «пространство». «Не обязательно должно быть общее для всех понятие времени, — говорил Михайлов на одной из лекций. — А вот некоторая пространственность представлений должна быть в этом образе *края*»²³.

Об этом свидетельствует состояние и литературы, и науки, поскольку «рядом» оказываются противоположные смыслы и исторические тенденции; в целом «культура XX века проваливается в собственные недра». Это образ истории, которая, «цитируя» прошлое, тем самым включает его в свое настоящее и «*собирается к себе*, стягивается в свое»²⁴. Здесь осуществляется своего рода «прощание» с историей в прежнем смысле слова²⁵.

В этом, полагал Михайлов, «суть глубинного исторического поворота, насколько он уже начал обозначаться в сознании: история заново собирается воедино, а все неотмыслимое от нее временное преобразуется в своего рода пространственность». В итоге «отступает на задний план развитие, предполагающее смену временных моментов», а «на передний план выходит складывание всех этих временных моментов в своего рода единовременность»²⁶.

Таково на сегодня мышление истории — то есть восприятие, ощущение, переживание ее; но при почти манифестированном расчете с «советским» прошлым науки, и с идеей развития в том числе, продолжает господствовать «модерноцентризм»: современное состояние науки и сегодня мыслится «как вершина ее развития и как мера всякого научного материала»²⁷.

Михайлов делает столь обязывающий вывод, безусловно имея в виду уже не только русский научный опыт, но и западный. Сравнение русской традиции с традициями инациональными необходимо входит в методологию истории науки, что позволяет судить о характере оснований достаточно всеобъемлюще. Ведь на Западе «смерть автора» была постулирована еще в 1960-е гг. Но взгляд на прошлое ис-

²² *Michailow A.* Martin Heidegger in unserer Zeit // М. Хайдеггер. Работы и размышления разных лет / Сост., пер., вступит. ст., примеч. А. В. Михайлова. М., 1993. С. 303.

²³ *Михайлов А. В.* Из лекций // А. В. Михайлов. Обратный перевод. С. 874.

²⁴ *Михайлов А. В.* Несколько тезисов о теории литературы. С. 257.

²⁵ *Michailow A.* Im Zeichen des Sturms. Notizen zu Walter Benjamins Versuch geschichtsphilosophischer Thesen // Global Benjamin / Hrsg. von K. Garber, L. Rehm. München, 1999. S. 1804.

²⁶ *Михайлов А. В.* Вильгельм Дильтей и его школа. С. 255.

²⁷ Там же. С. 228.

ключительно с высоты современных практик интерпретации, то есть модерноцентризм, и в западной традиции науки — одна из «аксиом».

Отсюда перед историей науки как теоретической дисциплиной вырастает задача, не предусмотренная ни в одной из областей филологического знания, включая и теорию литературы — поиск подхода к произведению в свете нового мышления истории. Сама направленность к «автору», в русской филологии доказавшая свою результативность, сохраняется, но уверенность в доступности «авторского» смысла произведения уже недопустима. И следующее звено концепции Михайлова — это продумывание конкретных, практических путей для литературоведения в горизонте нового «мышления истории». Работы Михайлова начала 1990-х гг. позволяют увидеть эти пути.

Когда мы исходим из современных теорий интерпретации, то делаем «перенос своего на иное», нужен же «обратный перевод» произведения — на язык культуры его времени²⁸. Произведение нужно воспринимать в свете «мышления истории», присущем эпохе автора. Поэтому требуют изучения языки иных культур и «ключевые слова» каждого такого языка. Это первое направление нашей мысли в ситуации модерноцентризма. И второе: это анализ «ключевых слов» самой нашей науки, таких как «литература», «произведение», «жанр», «роман», «стиль» и т. п., анализ, призванный выявить смысловые метаморфозы и превращения, которые переживали эти понятия в ходе их собственной исторической жизни. Тогда каждое из них обретет ту историческую точность, в которой нуждается при применении к произведению определенной исторической эпохи. Михайловым здесь многое сделано в работах по немецкой, австрийской, русской литературе XVIII—XX веков²⁹.

Итак, концепция истории науки у Михайлова имеет и свой проблемный поворот, и свою содержательно-смысловую доминанту — «мышление истории». Его подход определяют три момента.

1. В понятии «история науки» главное слово — «история». Восприятие истории непрерывно изменяется, а одновременно и литература, и наука о ней. Потому увидеть логику развития науки в прошлом и настоящем можно только одним образом — узнав, как мыслится история на каждом этапе знания.

2. Отсюда ставится принципиальная задача — выявление «мышления истории» как основания науки, которым предзадаются все парадигмы и их верифицируемость.

3. Цель дисциплины — не взгляд в прошлое, а авторефлексия перед лицом актуальных проблем. Поэтому ее объект — не отдельные имена и идеи, а национальные научные школы, которые эти идеи создают. Исходя из единства национального опыта истории, Ми-

²⁸ Михайлов А. В. Надо учиться обратному переводу // А. В. Михайлов. Обратный перевод. С. 14—16.

²⁹ См. например: Михайлов А. В. Из истории «нигилизма» // А. В. Михайлов. Обратный перевод. С. 537—626.

хайлов делает акцент на преемственности знания как условия его развития, иначе будет, как он писал, «наукообразие вместо науки». Анализ истории национальных школ откроет тот теоретико-методологический опыт, на который можно опереться и сегодня. С другой стороны, отчетливо выступают на свет и вещи устаревшие, что позволит освободиться от них.

Суть проблемы здесь в том, что для Михайлова «устаревшее» — это не какая-то идея, которая кажется несовременной, а ее принадлежность к уже ушедшему «мышлению истории». Поэтому историко-научный анализ этой идеи означает ее верификацию на уровне нового опыта истории — нигде не высказанного и скрытого. Вот здесь и говорит о себе творческий смысл истории науки в понимании Михайлова: то, как мыслится история, историку науки нигде не «дано», и «мышление истории» предстоит творчески открывать самому — в литературных и научных произведениях, в музыке и живописи, в общем чувстве времени, присущем культурному сознанию наших дней. А иначе мы не поймем «автора» — современного, потому что он думает в горизонте нового мышления истории, но не поймем и «автора» прошлого до тех пор, пока прилагаем к нему исключительно современную, модерноцентричную меру. Таким образом, направленность к «мышлению истории» делает историю науки теоретической дисциплиной, образующей творческий центр литературоведения, призванный намечать новые пути понимания литературного произведения.

Сегодня, на уровне гуманитарного знания в целом, очевидна тенденция к его универсализации, в ходе которой национальные традиции науки интегрируются. В этом свете концепция Михайлова представляется очень значимой. Это не только яркий теоретический замысел, но и продуманные варианты решения острых историко-научных проблем, а также создание новых областей знания — таких как методология «обратного перевода».

ZUSAMMENFASSUNG

Wissenschaftsgeschichte als theoretisches Fach nach A. V. Michajlov

Im Unterschied zu Deutschland ist die Wissenschaftsgeschichte in Russland erst im Entstehen begriffen. Aleksandr V. Michajlov entwickelte in den Jahren 1980 bis 1990 eine eigene Herangehensweise an diesen Gegenstand. Das Ziel der Wissenschaftsgeschichtsschreibung, von ihm als «Grundzügedisziplin» bezeichnet, besteht im Suchen nach neuen Perspektiven für aktuelle Literaturwissenschaft. Zentrale Termini im Feld des Faches gelten ihm als «verdeckte Axiome», das heißt als konventionelle Annahmen, die die Entwicklung der Wissenschaft zurückhielten und daher aufzudecken seien.